

В Е Р А
Калачкава

Открытая
дверь

Вера Александровна Колочкова
Открытая дверь
Серия «Секреты женского счастья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68027782

*Открытая дверь:
ISBN 978-5-04-174339-0*

Аннотация

«Открытая дверь» – это философский роман, в котором затрагиваются важные темы любви и прощения. Вера Колочкова провела главную героиню по темным закоулкам души и вывела ее к свету, показав всем читателям, что можно преодолеть любые трудности, если за твоей спиной стоят близкие люди.

Ирина живет вместе с мужем и растит дочь, кажется, что у нее в жизни все сложилось отлично, но это не так: мысленно она возвращается к временам, когда от нее все отвернулись, когда она потеряла не только веру в людей, но и в саму себя. Старая рана вскрывается, потому что на пороге ее дома появляются люди, которых она ненавидит больше всего на свете. Теперь Ирине придется переосмыслить свои принципы и разорвать порочный круг ненависти.

Вера Колочкова

Открытая дверь

*Если собираетесь кого-нибудь полюбить,
научитесь сначала прощать.*
Александр Валентинович Вампилов

© Колочкова В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Больше всего Ирина не любила вечернее время после ужина, когда муж и дочь уходят из кухни, ссылаясь на неотложные дела и оставляя ее с горой грязной посуды в мойке. Не любила, но смирялась. Она ж не баба-злыдня, вечно всем недовольная, она обычная женщина, каких много. И оставаться на кухне после ужина один на один с посудой для многих – привычное дело. Да что там говорить! Никому и в голову не приходит сетовать на эти бытовые обстоятельства, на это течение женской жизни, повседневное и привычное. И она чем лучше других?

Но Вика все же могла бы помочь матери. Сама бы догадалась хоть раз. Правильно Лева говорит – разбаловали дочь, теперь обратно в подходящие времена для воспитания не запихашь. Как там по-умному говорится? Воспитывать надо, когда поперек кровати лежит? Получается, сами и виноваты...

Нет, вообще-то Вика хорошая дочь, хлопот с ней особых

нет. Учится прилично, читает много, матери и отцу не грубит, на том спасибо. У других посмотришь, что детки выделяются, да перекрестишься тайком – слава богу, моя не такая... Да, все было бы хорошо, если бы не история с тем парнем, с которым она встречалась! Надо было сразу эти встречи на корню изничтожить, а они с Левой развели тогда демократию! Мол, девочке шестнадцать лет, ей запретить уже ничего нельзя, только хуже можно сделать... И вот результат! Парень этот, Юра, в колонию попал! Сунулся в какую-то драку, получил по полной программе за нанесение телесных повреждений средней тяжести. Другие участники той драки условными сроками отделались, а Юра свое получил. И все потому, что заступиться за него было некому, то есть денег на адвоката мать не нашла. Еще бы она нашла, если пьет! С виду такая приличная женщина, а пьет... Сама сколько раз ее под хмельком видела, потому как живет Юрина мать в их же подъезде, на первом этаже. А иногда и сильно под хмельком. Глаза мутные, улыбка расплывчатая по лицу гуляет. Ну что это такое, ей-богу? О сыне надо думать, а она... Так и получилось, что парень успел себе жизнь испортить, еще толком не повзрослев! Теперь наверняка у него все наперекосяк пойдет, когда из колонии вернется. Потому что опереться совсем не на кого. На мать-пьянчужку, что ли?

А как Вика рыдала, когда узнала, что Юру в колонию отправят! Так рыдала, будто большое непоправимое горе на ее голову свалилось. По-настоящему убивалась, словно взрос-

лая женщина. И никакие уговоры не действовали... Потом успокоилась вроде, но ведь в душу ей не заглянешь, что там творится. Приходится только на воду дуть задним числом, на молоке обжегшись, да смотреть, как бы она еще с каким хулиганьем не связалась! Хотя разве за ней углядишь? И даже если углядишь, все равно ничего не прикажешь, потому как не ребенок она уже...

Перебирая в голове мысли, Ирина и не заметила, как перемыла посуду. Ну вот и все, день к концу подошел... Обычный день, и вечер наступил обычный. Скоро по телевизору футбол закончится, и Лева придет на кухню, чаю попросит. И так же обычно она спросит Вику, приоткрыв дверь в ее комнату: «Будешь с нами чай пить?» И та ответит быстро и раздосадованно: «Нет, не хочу...» Потому что она своим вопросом наверняка ее от телефона оторвет, это уж к бабке не ходи, сюжет известен заранее.

А вот и Лева уже идет на кухню...

Нет, не Лева. Вика заглянула, проговорила быстро:

– Мам, я гулять!

– Да куда, куда гулять, Вика? – тут же всполошилась она, всплескивая руками. – Уже половина десятого! Какие могут быть гуляния? У тебя и уроки наверняка еще не все сделаны!

– Да все я давно сделала, мам! Я маленькая, что ли? Я не просто так ухожу, я честно предупреждаю, между прочим! Или ты хочешь, чтобы я еще и отпрашивалась? Ой, мамочка дорогая, можно мне выйти во двор ненадолго, я на качельке

хочу покачаться? Так ты хочешь, да?

– Ну, не надо утрировать... Было бы неплохо, если бы и отпрашивалась!

– Ну, мам...

– Не мамкай! Скажи лучше, куда и с кем идешь? Я должна знать, мне так спокойнее будет!

– О господи... Ну сколько можно уже... – страдальчески протянула Вика, подняв глаза к потолку. – Ты же прекрасно знаешь, с кем я хожу гулять! С Сонькой! Она меня уже у подъезда ждет! И никуда мы конкретно не идем, просто так по улице прогуляемся... Нам поговорить надо... Ты же знаешь, у Соньки проблемы, ей поддержка сейчас нужна. Подруга я ей или кто?..

– Так позвала бы Соню к нам... Сиди и поддерживай ее! Я бы вам чаю в комнату принесла...

– Мы не хотим чаю, мам! Мы просто хотим погулять, вот и все! Воздухом подышать! Ну что ты ко мне пристала?

Лева из-за спины Вики проговорил насмешливо:

– Вы чего раскудахтались, девочки? Что такое случилось, а?

– Пап... – живенько обернулась к нему Вика, проговорила плаксиво: – Мама меня гулять не пускает! Ну хоть ты ей скажи, что я не маленькая.

– Нет, не маленькая. Взрослая совсем девица. Скоро замуж начнем отдавать. Ты как, не против будешь, если мы с матерью замуж тебя отдадим? Поищем человека прилично-

го, кто твои капризы терпеть будет... Может, и найдется такой, а?

– Ну пап... Мне же не до шуток сейчас... Лучше скажи маме, чтобы она не вредничала!

– А ты считаешь, что она только из вредности тебя гулять не отпускает?

Не дождавшись ответа на вопрос, Лева тут же умчался в комнату на зов телевизионного комментатора. Даже не зов, а радостный крик. Видимо, кто-то кому-то гол забил, и Лева этот гол был важнее их нескончаемого спора.

– Да разве я сказала, что не пускаю тебя? – обиженно проговорила Ирина, всплеснув руками. – Я просто хочу знать, где ты гуляешь и с кем! Только и всего! По-моему, я имею на это право. Хватит с меня переживаний по поводу прошлых гуляний с Юрой!

– А вот о Юре не надо, мам... – тихо, но очень сердито проговорила Вика.

– Да почему же не надо, не понимаю? – не смогла остановиться Ирина. – Отныне у нас это запретная тема?

– А я тебе сто раз говорила, почему не надо рассуждать о Юре, мамочка! И я не виновата, что ты меня не слышишь! Я ж объясняла тебе, что Юра ни в чем не виноват!

– Ага! Попал в колонию – и не виноват? И следовательно был глупый, и судья глупый, да? Осудили безвинного?

– Да он же просто чужую вину на себя взял... Он добрый и благородный, а ты не понимаешь...

– Ой, все! Слышать больше этого не хочу! – отмахнулась Ирина, сердито поджав губы. – И говорить про твоего Юру тоже больше не хочу!

– И не говори, и не надо... Я тебя об этом и не просила, ты сама начала! И вообще... Разве так можно, мам? У человека беда, а ты... Будто злорадуешь...

– Да мне вообще все равно, что с этим Юрой происходит, Вика! Мне главное, чтобы ты перестала этими глупостями заниматься!

– Глупостями?! Для тебя все это глупости, да? Ну ты даешь, мам... Тогда я вот что тебе скажу, если так... Я Юру ждать буду, понятно? И письма ему буду писать! И он мне тоже... Только ты этих писем в нашем почтовом ящике не увидишь, не надейся, что можешь их мне не отдать. Мы с ним договорились, что он на другой адрес будет писать, вот! И я тебе не скажу, на какой адрес будут приходить письма!

– Ах, даже так...

– Да, мамочка. Вот так. А потом, когда Юра вернется, мы с ним...

– Все, хватит! Не продолжай, не надо! Я слышать этого не хочу! Тоже мне, декабристка юная нашлась! Из глубины сибирских руд храните гордое терпенье!

– Не слушай, твое дело... Когда Юра вернется, мне ведь уже восемнадцать исполнится.

– И что?!

– А ничего! Что слышала, мам!

Ирина даже не смогла ничего ответить – так вдруг зашло обидой сердце. Хорошо, что в этот момент в кухню снова заглянул Лева, спросил насмешливо:

– Вы все еще спорите, девочки? Помощь судейская нужна? Мне пора вас по углам разводить, да?

– Лева, ну хоть ты ей скажи... – тихо произнесла Ирина, протягивая руки в сторону дочери. – С ней же просто невозможно стало нормально разговаривать...

– Да это с тобой, мам, невозможно нормально поговорить! Это ты меня не хочешь услышать! – запальчиво ответила Вика.

– Все, брейк! Разошлись по разным углам, все! Восстанавливаем дыхание, утираем кровавые носы! Ирина, остановись! Вика, не лезь в бутылку! Видишь ведь, что мать на взводе, и все равно доводишь ее до белого каления! И вообще... Ты вроде гулять собралась? Вот и иди себе...

– Так а я о чем? Это ж мама меня не пускает, будто я маленькая!

– Иди, иди... Там тебя Соня уже заждалась, наверное...

Вика хмыкнула, повернувшись, быстро ушла в прихожую. Ирина последовала за ней, спрашивая на ходу:

– В котором часу ты вернешься? Слышишь меня, Вика?

Дочь молча натягивала на ноги кроссовки, пыхла сердито. Лева, прислонившись к дверному косяку, задумчиво наблюдал за этой сценой.

– Ты что, не можешь ответить? Когда вернешься, я спра-

шиваю? – снова начала закипать Ирина.

Вика шагнула к двери и уже потянулась рукой к замку, когда в дверь позвонили.

– Ну вот, Сонька уже за мной пришла... – недовольно буркнула Вика, распахивая дверь, и застыла в удивлении.

За дверью была вовсе не Сонька. Там стояли незнакомые люди – женщина и мужчина довольно немолодого возраста. Мужчина крепко держал женщину под руку, так крепко, будто она собиралась хлопнуться в обморок и перевалиться грузноватым туловом через порог. И лицо у нее было такое... словно ей и впрямь было плохо. И еще почему-то она очень странно смотрела на Вику, и губы у нее тряслись, и рука сильно дрожала.

Вика испуганно отступила на шаг, обернулась к родителям в недоумении – что это, кто это?

Лева и сам смотрел на эту странную пару озадаченно. Хотел спросить: «Может, вы дверью ошиблись?» Глянул на Ирину и не спросил. Понял вдруг – нет, не ошиблись.

Лицо Ирины было бледным и очень испуганным. Испуг перерос в недоумение и только потом – в открытую злость...

– Вика, ты же хотела идти! Иди, тебя Соня ждет! – произнесла Ирина довольно грубо и даже слегка подтолкнула дочь в спину. – Иди же, ну!

– Вика... Ее зовут Вика... Ты слышишь, Паша? – произнесла дрожащим слезливым голосом женщина, стоящая по ту сторону двери. – Какая девочка красивая выросла...

– Да, Аня, очень красивая... – эхом откликнулся мужчина, еще крепче подхватывая ее под руку.

– Боже, как же она похожа... Те же глаза, тот же лоб, взгляд тот же... Посмотри, Паша, посмотри, она же все крошечки подобрала... Это же копия Ромочки, чистая копия...

– Какого еще Ромочки? Вы кто вообще? Что происходит? – удивленно спросила Вика, снова оглядываясь на мать.

Та уже почти силой выпихнула ее через порог, проговорив сердито:

– Да ничего не происходит, иди, иди давай! Не видишь, люди дверью ошиблись? Сейчас мы все выясним, а ты иди... Тебя Соня давно ждет, ну? И лифт как раз на нашем этаже остановился! Иди!

Вика неохотно шагнула в открытые двери лифта, успев заметить, что пожилая женщина сделала невольное движение ей вслед, будто тоже хотела успеть проскочить в лифт, но мужчина держал ее довольно крепко. Двери лифта закрылись, и странная картинка исчезла. Вика тут же забыла о ней, вспомнив о Соньке, – сейчас наезжать на нее станет, что заставила так долго себя ждать! Да и эти двое... Наверное, точно дверью ошиблись. Ненормальные какие-то, ей-богу...

А «ненормальные» в этот момент несмело пытались рассмотреть Ирину, улыбались виновато и почти заискивающе. Мужчина хотел было спросить что-то, но Ирина упредила его злым вопросом:

– Что вам здесь надо, Павел Георгиевич? Анна Николаев-

на? Зачем вы?! Кто вас сюда звал? По какому праву вы...

– Ирина, погоди... Не надо с нами так, прошу тебя... – тихо проговорил мужчина, которого Ирина назвала Павлом Георгиевичем. – У Ани сердце больное, ей нельзя волноваться... Мы так долго искали тебя, Ирина... Если б ты знала, как долго мы тебя искали!

– А зачем вы меня искали, Павел Георгиевич? – саркастически спросила Ирина, подходя ближе к двери. – Зачем я вам вдруг понадобилась, а? Почему вы вспомнили обо мне? Не прошло и восемнадцати лет, как вы обо мне вспомнили? Вам срочно моя дочь понадобилась, да? Зачем, скажите?

– Но она же наша внучка, Ирина... Кровиночка наша... Ты ж сама понимаешь...

– Ах, кровиночка, стало быть! Насколько я помню, вы эту кровиночку мне убить советовали в свое время, даже категорически на этом настаивали! А теперь, значит, передумали, да? Или ваш сынок Ромочка все-таки вспомнил, что у него где-то дочь растет?

– Нет, Ирина, он уже ничего не вспомнит... Нашего Ромочки больше нет... – тихо проговорила Анна Николаевна, опуская голову. – Наш сын умер три года назад... У нас теперь никого нет, совсем никого... Мы три года пытались тебя найти, Ирина, и вот... Ромочка нас просил, когда умирал, да мы и сами хотели...

– Извините, я не знала. Сочувствую вам... Что, Ромочка даже внуков вам не оставил?

– Нет. Не было у него в браке детей, Ирина. Так уж получилось. Теперь у нас только одна внучка... Твоя дочь... И Ромочкина дочь... Мы так долго ее искали...

– Ах, вот оно в чем дело! Искали, значит? Одинокой старости испугались, да? Вы ж Вику вообще не хотели! А теперь я вас не хочу. По-моему, это вполне справедливо звучит, вы не находите? И все, больше нам не о чем говорить, извините.

Ирина собралась было закрыть перед их носом дверь, но не успела – Анна Николаевна вдруг неловко начала заваливаться на бок, и Павел Георгиевич едва успел ухватить ее, смотрел беспомощно, повторяя тихой скороговоркой:

– Аня, Аня... Приди в себя, Аня... Не надо, ну что же ты... Держись, прошу тебя, Аня...

Лева быстро шагнул за дверь, подхватил Анну Николаевну с другой стороны, проговорил быстро:

– Надо ее положить на диван... Я вам помогу! Держите крепче, вот так...

Подняв голову, тут же скомандовал Ирине:

– Ну, чего ты стоишь? Быстро воды неси! И нашатырь! Видишь, человеку плохо? И освободи в гостиной диван, быстро!

После нашатыря, лежа на диване, Анна Николаевна пришла в себя, прошептала тихо:

– Спасибо вам, добрый человек... Вы муж Ирины, да? Простите, что столько хлопот вам доставили... Как вас зовут?

– Неважно, как его зовут... – не дала ответить Леве Ирина, стоящая в изголовье у Анны Николаевны. – Важно то, что он для моей дочери родной отец. Она его таковым считает, и я вам не позволю нарушить порядок нашей жизни, ни за что не позволю. И не надейтесь даже, Анна Николаевна. Вы же понимаете, что я имею на это полное право. Если вспомнить, как вы тогда со мной обошлись... Или забыли, может?

– Нет, Ирина. Я ничего не забыла. Но сейчас... Сейчас обстоятельства изменились... И мы тоже... Все люди меняются со временем, да... И я сама себе простить не могу, что так с тобой обошлась. Да и Господь меня за это наказал, так наказал, что больше некуда... Прости меня, Ирина, очень тебя прошу. И на колени перед тобой могу встать – прости...

Анна Николаевна даже сделала некое движение, будто собиралась упасть с дивана прямо Ирине под ноги, но Павел Георгиевич удержал ее испуганно:

– Тихо, Аня, тихо... Лежи...

– Да мне уже лучше, Паша! Помоги мне сесть... Нам же поговорить надо, объяснить Ирине... Ну же, помоги!

– Хорошо, Аня... – помог жене сесть на диване Павел Георгиевич. – Только позволь мне самому объяснить... У меня это лучше получится.

Ирина хотела было что-то сказать, но Лева крепко взял ее за предплечье, проговорил тихо на ухо:

– Перестань, слышишь? Пусть человек объяснит... Можешь хотя бы выслушать спокойно?

– Нет, Лева, не могу! – яростно шепнула она ему в ответ.

– Да я все понимаю, Ирина, что ты... Но люди все-таки у тебя в доме находятся! Нельзя же так... Перестань!

Словно не слыша их тихой перепалки, Павел Георгиевич заговорил довольно деловито:

– Да, Ирина, так сложилась наша жизнь – у нас теперь никого нет. Как говорится, жить дальше не для кого и некуда. Бессмысленно как-то все. И мы тебя очень просим, очень... Позволь нам общаться с Викой, хотя бы изредка! Позволь для нее что-то сделать! Кому от этого будет хуже, скажи? Ты же знаешь, мы люди довольно обеспеченные, и мы бы могли... Мы бы могли многое ей дать... Другую какую-то жизнь...

Павел Георгиевич замолчал на секунду, обводя быстрым взглядом гостиную, довольно скромно обставленную. Этой секунды хватило, чтобы Ирина снова вскипела негодованием:

– Другую жизнь хотите ей дать? И это вы мне сейчас говорите, да? А вы хоть спросили бы для начала, что было со мной, когда я осталась в своей жизни одна с ребенком на руках! Спросите, как я вышла с Викторией из роддома практически в никуда? Вы думали тогда, как будет жить ваша внучка? И вы, Анна Николаевна... Помните, как я пришла к вам из роддома? И заметьте, никакой помощи у вас не просила, а только ребенка хотела покормить... Как стояла в дверях, как объяснить пыталась, что идти мне с ребенком некуда? Что

вы мне ответили, вы помните?

– Нет... Я не помню... – испуганно ответила Анна Николаевна, инстинктивно прикрывая глаза рукой. – Я не помню, правда...

– Не обманывайте, все вы прекрасно помните! А если забыли, я вам скажу... Вы тогда посоветовали оставить вас в покое, навсегда забыть к вам дорогу. А еще сказали, что мне надо было отказаться от ребенка в роддоме, заявление написать. Вика тогда кричала у меня на руках, голодная была, а вы прямо через ее крик мне говорили это! Неужели и впрямь не помните? Или не хотите помнить? И все, и хватит уже! Давайте прекратим этот фарс! Не будет в вашей жизни никакой внучки, я этого не позволю! За все надо отвечать, вот и вы возьмите на себя смелость ответить! Да как вам вообще в голову такое пришло, зачем вы меня разыскали? Неужели ждали от меня чего-то другого? Думали, купить себе внучку сможете? Деньгами поманите ее... и готово?

– Ирина, ну что ты... Не надо так, прошу тебя... Мы же к тебе с чистым сердцем пришли... – вяло проговорил Павел Георгиевич, с тревогой глядя в лицо жены.

– А как надо? В объятия вам броситься? Плакать от умиления – какое, мол, счастье, что бабушка с дедушкой к нам пожаловали? Так бы вы хотели, да?

– Нет, зачем... Но хотя бы выслушать нас...

– А я вас выслушала. Я поняла, чего вы хотите. Смысла жизни вам захотелось, вот и вспомнили, что у вас где-то

внучка есть, ведь так? Да только ничего у вас не получится, не надейтесь. Не увидите вы больше никогда внучку, я все для этого сделаю. И я имею на это полное право. Вы мне когда-то сказали – уходи, сейчас я вам говорю – уходите. И чем скорее, тем лучше. Да, вот так... Я все сказала, у меня слов других больше нет!

– Ирина, но погоди... Ты сейчас не в себе просто... – попытался тихо усовестить жену Лева, но она лишь обернулась к нему сердито:

– Не вмешивайся! Это мое дело! Это только мое дело, больше ничье!

– Да, Ирина, конечно, мы уйдем сейчас... – тяжело вздохнул Павел Георгиевич, помогая жене подняться с дивана. – Но я очень надеюсь, что твоя обида со временем как-то утихнет... Надеюсь, мы еще к нашему разговору вернемся...

– Не надейтесь. Не вернемся. И не смейте больше сюда приходить! Лева, проводи гостей до двери.

Повернулась, ушла на кухню. Уже оттуда услышала, как Лева бормочет какие-то извинения, как потом щелкнул дверной замок.

Все, ушли... Слава богу. Только сейчас она почувствовала, в каком напряжении находится тело, как сильно стучит сердце, какой звон стоит в голове. Только бы Лева не начал снова ее увещавать, пусть бы ему сердца хватило! Пусть понял бы, что она чувствует...

Лева тихо вошел в кухню, сел напротив нее за стол, вздох-

нул. Спросил участливо:

– Как ты? Отошла немножко? Успокаивайся... Выпей воды, на тебе лица нет!

– Что значит – отошла? Разве от такого отойдешь... Да мне так плохо сейчас, Лева, если б ты знал... Впору самой нашатырь нюхать, пока в обморок не грохнулась. Надо же, заявились гости незваные... Столько лет прошло... Да меня всю нервной дрожью потряхивает! Как увидела их в дверях... Глазам своим не поверила!

– И все же, Ирина... Я бы на твоём месте не был столь уж категоричен, честное слово...

– А ты не на моем месте, Лева. Ты на своем месте. Ты этого на своей шкуре не пережил.

– Да, конечно. Я понимаю. И все же, и все же... Позволь мне выразить свою точку зрения. Можно?

– Ну, выражай, если уж так приспичило... Только от этого ничего не изменится, сразу предупреждаю.

– Да понял я, понял... Но согласись, что это... Как бы сказать... Несколько несправедливо по отношению к Вике.

– Да из-за чего же несправедливо? По-моему, наоборот, очень даже справедливо! Или... Ты что такое имеешь в виду?

– Да, то самое я имею в виду... Я так понял, они действительно люди довольно обеспеченные. Если они могут предложить Вике другие жизненные возможности – почему бы и нет? По-моему, для этого можно и приглушить собственные

обиды. Разве не так?

Она ничего ему не ответила. Лишь подумала про себя – нет, зря надеялась. Ничего он не понял и не почувствовал. Ничегошеньки. Можно и не объяснять дальше...

– Я очень устала, Лева, я не хочу больше говорить об этом. Давай больше не будем, ладно? Голова очень болит... Я лучше спать пойду...

Он кивнул, улыбаясь грустно. Зачем-то посмотрел в окно, а не ей в глаза. Будто отодвинулся в одночасье – это твое решение, мол...

Она поднялась, ушла в спальню. Не раздеваясь, легла под одеяло, свернулась калачиком. Через какое-то время нервный озноб отпустил. Она даже услышала, как Лева опять включил в гостиной телевизор, как прибавил звук, наверняка увлекшись любимым футболом.

Ну и пусть... Пусть смотрит свой футбол. Можно натянуть одеяло на голову и не слышать ничего. И спать.

Закрыла глаза, думая, что уснет сразу, да не тут-то было. Прошлое обрушилось на нее беспощадно, то самое прошлое, от которого она бежала долгих семнадцать лет... Никуда теперь от него не денешься, никуда! Придется все заново пережить...

* * *

– Поступила! Я поступила! Вот моя фамилия в списках

есть... Боже, счастье какое...

Ирина крепко сжала руку новой приятельницы Катюши, с которой вместе поселилась в комнате в общежитии, пока сдавала экзамены. И тут же спохватилась и устыдилась этой радости – надо ведь и Катину фамилию в списках найти... Может, ее там нет вовсе?

– А ты, Кать? Нашла свою фамилию в списках? – спросила быстро, глянув на Катю.

– Да погоди... Не видно ж ничего... Сейчас в первые ряды пробьюсь, тут же толкотня такая...

Катя из-за маленького роста и впрямь ничего не могла разглядеть, только поправляла очки на носу, в то же время изо всех сил пытаясь подойти поближе к спискам. Ирина проговорила быстро:

– Давай я тебе помогу! Я же высокая, мне лучше видно! И очки я не ношу, без них все отлично вижу!

Ирина снова пробралась через толпу к спискам, взгляделась в мелькание фамилий на букву «н»... Как их много... Никитин, Николаева, Нифонтова... Носов, Новоселова... Новоселова...

– Есть, Кать! Новоселова Е. П. – это же ты, правда?

– Да... Я Екатерина Павловна... – не смея обрадоваться, тихо проговорила Катя. – Ты посмотри еще, Иринушка, посмотри! Вдруг там еще Новоселова есть? Фамилия-то распространенная... Вдруг ошибка какая-то?

– Да нет никакой ошибки, Кать! Есть ты в списках! Мы

поступили, ура! Пойдем отсюда, а то нас окончательно за- топчут...

Разгоряченные радостью, они выскочили на улицу, сбежали вприпрыжку по ступеням, упали на скамью в институтском скверике.

– Ой, даже не верю... – засмеялась Катя, обнимая Ирину за плечи. – Не верю, не верю! Я ведь хуже тебя экзамены сдала... Едва-едва проходной балл набрала, ты же знаешь! И вовсе была не уверена...

– Да ладно, чего вспоминать! Главное, мы поступили, Кать! Давай это событие отметим как-нибудь, а?

– Давай! Можно в кафе пойти, например!

– Ой, нет... У меня на кафе денег не хватит, что ты... Мне деньги экономить надо, ты же знаешь мою ситуацию...

– Да, Ириш, я знаю. Извини. Тогда давай большой торт купим, хочешь? И вдвоем его слопаем в общежитии!

– Давай! Хорошая идея, ага!

– Только мне надо сначала на главпочтамт сгонять, чтобы родителям позвонить! И тебе тоже надо, наверное?

– Ну Кать... Опять ты... Я ж тебе рассказывала, что у меня нет родителей...

– А, ну да, извини... Ну, маме позвони хотя бы...

– Нет. Не стану я ей звонить. Ей на мои звонки все равно, что есть, что нет...

– Ну, пусть хоть обрадуется, что ты поступила и к ней не вернешься.

– А она и так знает, что я не вернусь. В любом случае. Мы с ней на этом и расстались, когда я уехала поступать. Она так обрадовалась... Я ж видела, как сильно она обрадовалась. Нет, не стану я ей звонить... Мне вообще некому звонить, Кать. Вот если бы папа был жив... Или тетя Рита, мамина сестра... Никого у меня не осталось, кто бы звонку обрадовался.

– Совсем-совсем никого, что ли? Но ведь так не бывает...

– Бывает, Кать. Одна я такая, что ли? Это еще хорошо, что мачеха меня после смерти отца в детдом не отправила... Да и отправила бы, наверное, если бы моей доли по закону в квартире не было. Испугалась, что менять квартиру потом заставят.

– Так ты ведь тоже можешь сейчас... Заставить ее разменять...

– Ага, заставишь ее, как же! Да и не нужно мне от нее ничего. Я ж не собираюсь там жить... В нашем городке даже на работу трудно устроиться, только если на рынок торговать пойти. Мачеха моя торгует... У нее это хорошо получается, с огоньком. А я так никогда не сумею...

– Понятно, что ж. Наглая тетка твоя мачеха, что тут еще можно сказать! – вынесла вердикт Катя, рубанув рукой воздух. – И ладно, и не будем больше о ней... Плюнь и забудь, Ириш! Будем считать, что у тебя новая жизнь началась!

– Новая, да. Только как ты думаешь, из общежития нас попросят после экзаменов? Нас ведь только на время абиту-

ры поселили...

– Не знаю, Ириш. Наверное, можно как-то договориться с комендантом, денежку заплатить. Не знаю... Я бы тебя к себе позвала, но нас и так пятеро в двухкомнатной квартире... Мама, папа, бабушка и мы с сестрой... Даже раскладушку некуда поставить, поверь...

– Да что ты, Катя, я ж понимаю! Ничего, выкручусь как-нибудь, не переживай! Ну что, поедем на почтамт?

– Ага, давай...

Они быстро доехали до почтамта. Пока Катя радостно общалась родителям новости, Ирина стояла в сторонке, наблюдала за подругой. И завидовала. Даже странно было, из-за чего вдруг накатило такое нехорошее чувство. Она его ощущала со всей щемящей горечью и нытьем в груди. Нет, не конкретной Кате она завидовала, а этой картинке, которую видела. Девушке с сияющими глазами за стеклом кабинки. В другой кабинке тоже девушка кому-то звонит, тоже счастливая... Они могут кому-то звонить и даже не осознают до конца этого счастливого обстоятельства. Вот дурочки...

Потом они долго шли по улице, забрели в парк, сели на скамью отдохнуть немного. Катя вдруг наклонилась к ней, проговорила тихо на ухо:

– Ириш... Посмотри на соседнюю скамью... Видишь двух парней?

– Ну, вижу... И что?

– Да не гляди на них так открыто! Поверни голову, будто

не замечаешь!

– Да в чем дело, Катя? Объясни нормально!

– Мне кажется, эти парни за нами от самого почтамта идут...

– Да ну! Тебе показалось. Чего бы им за нами идти, сама подумай? Что мы, эстрадные артистки какие-нибудь, автографы раздаем?

– Нет, ничего мне не показалось! И сейчас они на нас смотрят! И улыбаются! Они уже к нам идут... И что, будем с ними знакомиться или нет? Может, отшить их сразу, как думаешь? Но вроде нормальные ребята, жалко...

Ирина ничего не успела ответить. Растерялась. А парни уже уселись на их скамью: один рядом с Катей, другой – рядом с ней. Тот, который сел рядом с Катей, проговорил весело:

– Давайте знакомиться, девчонки! Меня Стасом зовут, а моего друга – Ромочкой. А вас как?

– Хм... – кокетливо усмехнулась Катя. – А почему вы друга так интересно представили – Ромочка? Тогда и себя Стасиком назовите, чего уж!

– Нет, все именно так, девушки. Я Стас, а он Ромочка. Потому что я из бревна вытесан как Буратино, а Ромочка у нас не такой. Душа у него тонкая и ранимая. Вот пообщаемся, и сами в этом убедитесь.

– А с чего вы взяли, что мы будем общаться? – снова кокетливо спросила Катя.

– А почему бы нет? Мы так поняли, вы просто гуляете... И мы просто гуляем... А еще мы поняли, что у вас что-то хорошее произошло, день какой-то особенный, ведь так?

– Ну да, угадали... Мы с Ириной сегодня в институт поступили, в химико-технологический! Поэтому и радуемся весь день!

– Что ж, хорошее дело... Значит, вашу подругу Ириной зовут? А вас как?

– А меня Катей...

– Очень приятно! Вот и познакомились! Значит, вы студентки теперь?

– Ну да... А вы? Учитесь или работаете?

– Ни то, ни другое. Пока в воздухе висим.

– Ой, как это?

– Да мы только что политехнический окончили, еще не успели с трудовой деятельностью определиться. С Ромочкой-то ясно все, его отец к себе пристроит, а я... Я уж как-нибудь, где-нибудь...

– А на каком факультете вы учились?

– На радиофаке.

– Ух ты... Я слышала, туда только сильно умных берут...

– Так мы и есть самые умные, девчонки! Вам страшно повезло, что мы с вами теперь знакомы!

– Ой, да не больно-то и хотелось, подумаешь...

– Ну, не делай такое лицо, Катя, я же пошутил.

– А что, мы уже перешли на «ты»?

– Ага. Что ж мы, такие молодые и красивые, будем друг другу выкать? Я думаю, твоя подруга тоже не станет возражать, если мы будем на «ты»?

Стас глянул на Ирину, и она улыбнулась застенчиво, пожала плечами. Сидящий рядом с ней парень проговорил тихо:

– Не обращай на него внимания, Ирина... Он всегда такой. Простой и незатейливый, как тульский пряник.

– А ты... Не простой? – чуть повернула она к нему голову.

– И я простой. Только не умею себя подавать вот так, с размаху. Я скромный...

– Хм! Когда человек сам себя называет скромным, это звучит довольно сомнительно.

– Да почему же?

– Не знаю... Мне так кажется.

– Девчонки, а пойдете в кафе! – вдруг решительно предложил Стас, хлопнув ладонями. – Надо же отметить ваш праздник, нельзя ж не отметить! Плохая примета, удачи не будет!

Катя пожала плечами, глянула на Ирину, спрашивая глазами – ну что? Ирина произнесла тихо и неуверенно:

– Так это же дорого... В кафе... Что вы...

– Кому дорого, а кому и нет! – весело перебил ее Стас. – Что это за разговоры – дорого? Вас приглашают от всего щедрого мужицкого сердца... То есть Ромочкиного щедрого сердца... Я-то кавалер бедный, у меня лишних бабок сро-

ду не водится, честно скажу. А Ромочка... Родители ему на карман столько дают, что грех не потратить на хорошее дело. Правда, Ромочка?

– Да ну тебя, Стас... Сразу уж и родители...

– Прошу пARDону, не в ту тему залез! Согласен, родителей трогать не будем! Родители отдельно, бабки отдельно. Так что, идем в кафе или нет?

– Конечно, идем! Я и сам хотел предложить, но ты всегда впереди паровоза несешься, Стас!

– И опять я прошу пARDону! Ну такой я, да... Потому мы с тобой и друзья, что разные по натуре. Как там в стихах, не помните, девушки? Они сошлись, волна и камень...

– Стихи и проза, лед и пламень... – тихо подсказала Ирина, улыбаясь.

– Во-во, так и есть! – подхватил быстро Стас. – В моем лице мы имеем прозу и лед, а в лице Ромочки, стало быть, стихи и пламень! Да, он у нас такой...

– Все, Стас, хватит! Иначе девчонки бог знает что обо мне подумают! Давайте лучше в кафе пойдем...

– Ты приглашаешь, ты угощаешь? – уточнил на всякий случай Стас.

– Ну, я же сказал... Если еще выступать будешь, то мы втроем в кафе отправимся! Я и Катя с Ириной! А ты к себе в общежитие пойдешь, понял?

– Понял... Ну что, девушки, идем?

Катя снова глянула на Ирину, будто предлагала ей самой

принять решение. Наверное, надо было вежливо отказаться, но Ирина неожиданно для себя произнесла весело:

– Пойдем! Если честно, я такая голодная... Ничего не ела с утра.

– Ну, так и чего мы сидим? – первым встал со скамьи Стас. – Ждем, чтобы девушка в голодный обморок на наших глазах упала? Ромочка, поддержи ее, вдруг до кафе не дойдет...

– Дойду, можешь не переживать за меня! – смеясь, проговорила Ирина, тоже вставая со скамьи.

Так и дошли всей компанией до кафе «Стрелка», очень популярного в этом районе города. Говорят, там даже бандиты по ночам собирались. Получалось, что кафе свое название вполне оправдывало. И музыка там была живая, и кормили отменно...

Вечер прошел очень весело – ели, пили, танцевали, смеялись без конца. Стас был неутомим в неуклюжих шутках, ухаживал за Катей, и она кокетничала с ним напропалую. Ирина даже удивлялась слегка – откуда что взялось... Впрочем, они ж с Катей мало знакомы – то самое время и знакомы, когда вступительные экзамены вместе сдавали.

Ромочка тоже за ней ухаживал, но более изысканно, что ли. Видно было, что в манерах ухаживания за дамой он знает толк. Наверное, в хороших благополучных семьях детей этому как-то специально учат... Ирина даже стеснялась немного – за ней никогда и никто так не ухаживал. И потому стара-

лась не набрасываться на еду как сбежавшая от голодухи деревенщина, спину пыталась прямо держать, лицом не хлопотать без надобности. И не то чтобы Ромочка сильно напрягал ее манерами, а просто... Просто хотелось ему понравиться почему-то.

В половине одиннадцатого Катя вдруг спохватилась:

– Ирина, нас же в общежитие могут не пустить, сегодня же та зверюга-вахтер дежурит! Помнишь, как она девчонок в соседнюю комнату не пустила, они в скверике на скамьях ночевали?

– Спокойно, девочки, не волнуйтесь... Мы к Ромочке на дачу уедем... если что! – весело проговорил Стас, разливая по бокалам остатки вина.

– Ну, это уж нет, это уж извините-простите! – тут же оскорбилась Катя, отодвигая от себя бокал. – Мы уж лучше в скверике переночуем, чем... За кого вы нас принимаете, а?

– Выйдем... такси поймает, – тихо проговорил Ромочка, сердито глянув на Стаса. – Успеете в общежитие, я вам обещаю.

Ирина взглянула на него благодарно – как хорошо он это сказал. Уверенно и без пафоса. И рассчитался с официантом тоже очень уверенно, сдачи не потребовал. Как будто это ему ничего не стоило, подумаешь, ерунда какая! Да ее мачеха, к примеру, удавилась бы за такие деньги, что он официанту оставил...

Такси ловили долго, едва успели доехать до общежития.

Оставалось не больше пяти минут до того, как вахтерша придет закрывать двери. Стас возмутился громко: «Кто это придумал такое, чтобы двери в общежитиях закрывать на ночь? Студенты что, не люди разве? И зачем тогда вахтеры нужны вообще?» Ирина с Катей увещевали его: «Тихо ты, вдруг вахтерша услышит... Мы ж теперь тут на птичьих правах, вступительные экзамены закончились, все по домам разъезжаются!»

Вскоре и грозная вахтерша выглянула из-за двери: «Заходить будете, нет? Я дверь закрываю!»

Они быстро нырнули в дверной проем, даже не попрощались толком. Катя, поднимаясь по лестнице на второй этаж, вздохнула грустно:

– Хорошие парни, правда, Ириш? Жалко, что мы уезжаем...

И остановилась вдруг, проговорила испуганно:

– Ой! Это ведь я утром уезжаю, а ты-то остаешься! Надо было договориться тебе с Ромой о новой встрече... Он ведь хотел договориться, я так поняла... Жалко, что не успел.

– Да, жалко... – тоже вздохнула Ирина. – Хороший парень, да...

– Может, он сам тебя найдет? Знает ведь, где ты живешь...

– Не думаю, Кать. Зачем ему меня искать? Он... Он какой-то другой, понимаешь? Будто не из нашей жизни.

– Так ясно, что не из нашей! Стас же говорил, что у него родители обеспеченные! Если он может всю компанию в ка-

фе пригласить... Это ж какие деньги за ужин заплатить надо, уму непостижимо!

– Да я ж не про деньги, Кать... Я ж говорю – он вообще другой...

– Так при деньгах и ты будешь другая, это ж ясно. Эх ты, недотепа... Надо было тебе самой у него телефончик попросить и потом позвонить!

– Ну что ты, Кать! Да я бы ни за что этого не стала делать! Чтобы сама...

– Да ладно, это ж я просто так, к слову... Я тоже никогда парням на шею не вешаюсь. Ладно, пойдем спать... Спать хочу – умираю! Вещи утром собирать буду...

Утром Катя уехала. Перед уходом разбудила Ирину, проговорила быстро:

– Ну все, пока... Ненадолго прощаемся, первого сентября приеду! Попросимся, чтобы нас опять в одну комнату поселили, ага?

– Да, Кать... Конечно... Счастливо тебе... – сонно проговорила Ирина, поднимая голову от подушки.

– Ага. Увидишь Стаса – привет передай.

– Да где ж я его увижу, ты что?

– Ну, мало ли... Ты же здесь остаешься, всякое может быть...

– Так меня ж наверняка попросят освободить место...

– Ну так не попросили ж пока? Вот и живи, как мышка. Утром уходи, вечером возвращайся, не мелькай особо, ко-

мендантше на глаза не показывайся. Ну все, я побежала, а то на поезд опоздаю...

Когда за Катей закрылась дверь, Ирина подумала: а она ведь правильно говорит... Надо действительно уходить с утра, до того, как комендантша на рабочее место не придет. Если сунется в дверь – закрыто! И до вечера будет закрыто... Пусть думает, что она тоже уехала. А возвращаться лучше попозже, часам к девяти, чтоб уж наверняка... Не будет же комендантша до девяти на работе сидеть!

Поднялась с кровати, умылась, оделась быстро и даже чаю не попила – выскочила за дверь. Потом целый день гуляла по городу, погода стояла хорошая. В кино ходила, в парке на скамье съела две булки, запивая кефиром, на десерт себе эскимо купила. Жить можно, в общем. А завтра можно книжку с собой прихватить. Посидеть, почитать на той же скамейке в парке...

Ровно в девять подошла к дверям общежития и глазам не поверила – это ж Ромочка стоит, переминается с ноги на ногу! Долго, наверное, стоит... Да если б она знала, обязательно бы поторопилась!

– Ну наконец-то... – шагнул к ней с улыбкой Ромочка. – Я уж думал, ты не придешь...

– Давно ждешь, да?

– Давно. Но это неважно...

– Ой, я бы тебя пригласила чаю попить, да не могу... Боюсь лишний раз внимание к себе привлекать...

– Я понимаю, что ты. Может, мы поужинаем? Тут недалеко приличное кафе есть...

– Нет, лучше погуляем... Только недолго, мне надо вовремя в общежитие вернуться.

– Помню, помню про ваши порядки строгие... Ну что ж, давай погуляем! Кстати, Стас тоже вместе со мной приходил, но не дождался, ушел. А я вот остался.

– Да, спасибо... Ой, не знаю, что сказать! Кроме спасибо ничего в голову не пришло! А Катя, кстати, просила Стасу привет передать! Она утром домой уехала!

– А ты почему не уехала?

– А я... А мне некуда уехать.

– Как это?

– Ну... Так получилось. Долго объяснять. И в общежитии тоже нельзя долго оставаться, мне ж место только на время абитуры дали как иногородней. Можно, конечно, попробовать с комендантшей договориться, но боюсь, что она не согласится...

– Поэтому ты так поздно сегодня вернулась, да? Чтобы комендантша тебя не заметила?

– Ну да... Чтобы лишний раз у нее перед глазами не мелькать.

– Но ведь она все равно поймет, что ты не уехала... И что тогда станешь делать?

– Не знаю. Наверное, придется комнату до первого сентября снимать. Ты не в курсе, сколько надо денег, чтобы

снять комнату? Или хотя бы угол...

– Как это – угол?

– Ну, это так говорят... Когда разрешают просто переночевать где-нибудь в уголке...

– Про угол не знаю, а комнату снять можно, я думаю.

– Это ужасно дорого, наверное?

– Да не думаю, что дорого... Как-то не интересовался никогда этим вопросом... Хочешь, я тебе комнату сниму? У меня есть деньги.

– Ой, что ты! Об этом и речи не может быть! Как это вообще... Мы ж едва знакомы... Нет, я не могу взять у тебя деньги, что ты!

– Да почему ты так всполошилась, Ирина! Это ж обыкновенная помощь, не более того... Почему один человек не может решить проблему другого человека, к тому же если ему этого очень хочется?

– Нет, Рома... Нет, я так не могу... И все, не будем больше об этом, ладно?

Они замолчали, шли рядом по тихой вечерней улице. Становилось прохладно, было слышно, как над городом собирается гроза. Ирина поежилась, подняла голову и проговорила озабоченно:

– Давай обратно пойдем, скоро дождь начнется... И поздно уже, а тебе еще домой ехать. Ты ведь далеко живешь, наверное?

– Ничего страшного, я такси поймаю... Ты замерзла, да?

Ромочка быстро снял легкий стильный пиджак, накинул его на плечи Ирине. От пиджака пахло дорогим одеколоном и еще чем-то вкусным – другой жизнью, наверное... Той, где не надо скрываться от злой комендантши и перекусывать булками с кефиром на скамейке в парке.

Видимо, она как-то слишком грустно вздохнула, потому что Ромочка глянул на нее осторожно и так же осторожно проговорил:

– Ну ладно, не хочешь, чтобы я комнату тебе снял... Понятно... А если помощь будет не связана с деньгами, сможешь ее принять?

– Как это? – спросила Ирина удивленно.

– Да все очень просто... У моего друга дача пустая стоит, можешь там до первого сентября спокойно пожить.

– У твоего друга есть своя дача?

– Да нет, не у него, у родителей, конечно же. Они надолго за границу уехали в командировку. Вот дача и пустует. Хочешь, я с ним поговорю?

– Не знаю... А это удобно?

– Да почему ж нет? Вот провожу тебя сейчас и сразу с ним переговорю. А завтра тебе все скажу. Может, завтра уже туда и переселишься. Я тебе помогу вещи перевезти, машину у отца возьму.

– А ты и машину водить умеешь?

– Да что тут особенного, умею, конечно...

Первые капли дождя упали им под ноги, и Ромочка схва-

тил ее за руку, проговорил весело:

– Бежим, а то промокнешь! Хорошо, что мы недалеко от твоего общежития ушли!

Добежали, распрощались впопыхах. Ромочка успел спросить быстро:

– Где тебя завтра можно найти?

– В скверике у драмтеатра, у фонтана... Я утром туда приду...

– Хорошо! Жди меня там! До завтра!

Ждать утром в скверике пришлось недолго. Ромочка подошел, проговорил деловито:

– Привет! Ну все, я договорился, будешь жить на даче у друга, я уже ключи у него забрал. Сейчас вещи твои прихватим и поедем. Идем скорей, а то я машину в неположенном месте оставил...

Проходя мимо вахтерши с чемоданом в руках, Ирина торжественно вручила ей ключ от комнаты, попрощалась вежливо.

– Уезжаешь, стало быть? – улыбнулась вахтерша. – И хорошо, и слава богу... А то меня уж комендантша допрашивала, почему из двести пятнадцатой комнаты не выселяются. А я и не знаю, что ей говорить... Она у нас бдительная...

– Спасибо, всего вам доброго! Первого сентября вернусь!

– Ну, давай, давай... Счастливо тебе.

Ромочка быстро загрузил ее вещи в багажник, поехали. Машина у него тоже была какая-то необыкновенная, она и

не ездила на таких никогда. Но спрашивать не стала, что за машина такая. Вдруг Ромочка подумает, что она совсем отсталая, такие глупые вопросы задает.

Ехали недолго – дача располагалась в ближайшем пригороде. Да и не дача это вовсе была в том смысле, как представляла она себе это уютное место... То есть что-то похожее на деревянный сарайчик с верандой, окруженной цветочными зарослями.

Нет, это был далеко не сарайчик. Это был дом, похожий на сказочный дворец с башенками, с красивой дорожкой от ворот к крыльцу, с высоким и мощным забором, вобравшим в себя большую ухоженную территорию с газонами, соснами и даже небольшим искусственным озерцом.

– Вот тут и поживешь пока... – весело сообщил Ромочка, открывая дверь сказочного дворца. – Я тебе сейчас все покажу, что и где можно взять. На первом этаже есть гостевая комната, я думаю, тебе понравится.

– Ой... Мне страшновато как-то... – робко огляделась она по сторонам, войдя в дом.

– Чего тебе страшновато? Здесь никого больше нет... Холодильник наверняка пустой, но я прихватил кое-какие продукты, тебе на первое время хватит. Потом еще подвезу. Да проходи, проходи, не стесняйся! Осваивайся как-то, чего растерялась!

Ирина улыбнулась неловко, пожала плечами – растеряешься тут. Она такие дома только в кино видела и по теле-

визору еще... Как тут вообще жить-то? Диван белый какой, с пухлой кожей, даже и сесть на него страшно.

– Смотри, вон там кухня... Я думаю, с плитой сама разберешься. Или показать?

– Разберусь...

– Рядом с кухней туалет и ванная. На втором этаже еще три спальни, но я думаю, что они тебе не понадобятся. А твоя комната здесь, направо по коридорчику. Это комната для прислуги, но она очень удобная, там все есть. Или хочешь на втором этаже поселиться?

– Да нет, мне все равно... Что ты...

– Ну и замечательно. Оставайся, осваивайся, вот ключи... На ночь дверь запирай, если боишься. Хотя здесь нет никого... Садовник раз в месяц приходит, чтобы газон подстричь. Мой друг с компанией еще иногда приезжает, но я его предупредил, что ты девушка стеснительная, он обещал, что беспокоить тебя не будет. Еще вопросы есть?

– Нет... Какие вопросы, что ты...

– Тогда я поехал? У меня сегодня еще дел много. Да и машину отцу обещал вернуть...

– Да... Спасибо тебе, Рома! Даже не знаю, как еще благодарить...

– Да пустяки. Живи, дыши свежим воздухом, отсыпайся.

– А... А ты приедешь еще?

– Приеду. Дня через два навещу тебя. Ну все, пока...

Ромочка ушел, она осталась одна. Медленно обошла боль-

шую гостиную, прикасаясь робко к незнакомым предметам, с уважением провела ладонью по каминной полке – красивая какая... Цвет теплый, терракотовый. Яшма, наверное. И ковер на полу такого же цвета... Неужели она здесь будет жить среди такой красоты? Удивительно...

На кухне долго разбиралась с плитой, ругая себя – надо было все же спросить у Ромочки, как она включается. С трудом разобравшись, сделала себе на завтрак яичницу с колбасой, съела с большим удовольствием. Попила чаю, вышла на крыльцо, зажмурилась от яркого солнца – боже, как тут хорошо... Какие счастливые люди должны тут жить! Интересно, у Ромочкиных родителей есть такая же дача? Наверняка ведь есть!

Хотя... О чем это она думает? Ну, есть... Что с того? Она здесь временное явление, случайная залетная птичка. Ромочка добрый, вот и впустил птичку погреться, чтоб совсем не пропала в неуютной жизни. В той жизни, где не только дачи нет, но и дома своего нет, пусть и плохонького. Надо эту жизнь с нуля начинать...

Вот она и начнет, ничего страшного, подумаешь! Голова на плечах есть, руки есть, остальное приложится. Пусть не такое шикарное, но все будет со временем. И ей везет... Это хороший знак. Могла бы сейчас на улице оказаться, а она здесь стоит, на этом крыльце... среди всей этой благости! Сейчас по участку прогуляется. Вон там, вдалеке, даже качели есть... А потом вернется, обед себе приготовит. А вече-

ром телевизор включит, будет на белом диване сидеть, поджав под себя ноги, кино смотреть... Красота!

Ромочка приехал через два дня, как и обещал. Привез ей продукты. А еще роскошный букет роз, который она приняла с трепетом – никогда еще и никто ей таких цветов не дарил. Стояла, уткнув нос в эти розы, чуть не плакала. А Ромочка смотрел на нее с удивлением – чего ты, мол? Она так и не смогла ему ничего объяснить, только проговорила тихо:

– Надо цветы в вазу поставить... Какую можно взять вазу, Ром?

– Да любую... Вот эту хотя бы... – указал Ромочка рукой на каминную полку. – Давай я тебе помогу!

– Давай... А то разобью еще...

И снова он глянул настороженно, будто удивлялся слезливым ноткам в ее голосе. Она и сама им не рада была, но ведь не станешь объяснять, откуда они взялись! Не расскажешь, что проявление такого тепла и заботы слишком для нее непривычно, что научилась жить в равнодушии и в неприязни. А еще равнодушие и неприязнь со стороны мачехи можно было назвать ожиданием того момента, когда падчерица свалит из дома на все четыре стороны. Мол, воспитала, вывела в люди, из дому не выгнала – будь мне благодарна до конца своих дней.

А тут – цветы... И дом этот шикарный... И взгляд теплый, участливый. И молчание тактичное. Конечно, ей все это непривычно!

– Ну что, освоилась на новом месте? – спросил Ромочка, стараясь придать голосу побольше непринужденности. Наверное, хотел как-то вывести из этого слезного замешательства, за что она ему была очень благодарна.

– Да, освоилась... Только в доме мало нахожусь, в основном по участку гуляю. Даже телевизор включаю редко, а на второй этаж ни разу не поднималась. Я... Я очень аккуратно со всем обхожусь, ты не думай...

– Да перестань, Ирина! Ну что ты... Будто все время извиняешься за что-то!

– Ну как же... Такой дом... Я боюсь что-то не так сделать, вдруг испорчу нечаянно!

– Дом как дом, ничего особенного, подумаешь! И даже в голову не бери, если вдруг покажется, будто что-то неправильно делаешь!

– А ты... Ты так же живешь, да? То есть... У тебя такой же загородный дом есть, наверное?

– Ну да, есть... Только не у меня, а у родителей. Но я не люблю там бывать...

– А почему?

– Не знаю. Я не любитель всех этих пасторальных прелестей. Я больше городскую жизнь люблю. А чем это у тебя так вкусно пахнет?

– Так я суп сварила... Куриный с лапшой... Ой, ты голодный, наверное?

– Да. Ужасно голодный.

– Давай я что-нибудь тебе приготовлю, хочешь?

– Да зачем? Я бы поел твоего супа... Куриного с лапшой.

– Да ну... Он же совсем простой... Ты ведь не ешь такое, наверное...

И опять он странно посмотрел на нее, будто огладил взглядом, немного снисходительным. И произнес тихо:

– Смешная ты... А еще очень красивая... Сама-то хоть понимаешь, какая ты красивая? С твоей внешностью и с твоим ростом тебя в любое модельное агентство возьмут. Я бы на твоём месте попробовал...

– Да ну! – засмушалась она, отворачивая от него лицо. – Какая там красота...

– А я, между прочим, шампанского привез. Давай рубанем твоего супчика под шампанское, а? Пусть это будет наше с тобой тайное кулинарное ноу-хау...

– Давай! – со смехом согласилась она, глядя на него доверчиво. – Сейчас я стол накрою...

Бросилась к холодильнику, чтобы достать кастрюлю с супом, но обернулась вдруг... Почему обернулась, сама толком не поняла. Может, чтобы увидеть его восхищенный взгляд... И еще что-то, что было в этом взгляде. И остановиться вовремя, одуматься. И не пить потом это коварное шампанское, не слушать его больше, не верить в то, что он говорит. Все смелее говорит, все настойчивее... Что понравилась ему сразу, с первого взгляда, что всегда о такой встрече мечтал...

Она плавила в его словах, выпитое шампанское кружи-

ло голову. Наверное, это очень опасная вещь, когда душа бывает голодной по теплым словам. Поедает их жадно, как бездомная собачонка поедает кусок из ласковых добрых рук. И делай потом с ней все что хочешь...

Потом она часто возвращалась мыслями в этот момент и корила себя запоздало – как она могла потерять голову? Почему не сказала «нет»? Почему не остановила это безумие вспыхнувшего вожделения? Ведь на самом деле у нее-то самой не было того вожделения, просто она Ромочке уступила... Не смогла его этим «нет» обидеть. Как она могла, что на нее нашло такое?!

Он был нежен, ласков и настойчив. И она в ту ночь была счастлива, напрочь забыв про испуганное «нельзя». И утреннее пробуждение было волшебным... Ромочка проснулся первым, нарвал с клумбы кучу цветов и принес ей, она сердилась на него, боязливо смеясь:

– Ты что, с ума сошел? Хозяева дачи вернутся и увидят, что все клумбы пустые! Ты точно с ума сошел...

Потом он принес ей кофе в постель. Как в кино. И это тоже было необыкновенно прекрасно, ведь в кино все влюбленные мужчины приносят кофе в постель любимым женщинам. И день был потом долгий и солнечный, тягуче счастливый. И ее внутреннее «нельзя» еще не проснулось и не тяготило испугом, что сделала она все неверно, неправильно. Что кому-то так можно, а ей нельзя. Не имеет она на это права.

Ромочка больше никуда не уезжал, и счастливая круговерть дней продолжалась весь август. Однажды Ромочка уехал в город и вернулся озабоченным, проговорил деловито:

– Надо дачу освобождать, Ириш... У друга предки на днях возвращаются из командировки.

– Ну и хорошо, Ром! Мне уже пора в общежитие заселяться! Сейчас я тут все приберу, вещи свои сложу... Завтра отвезешь меня в город, ладно?

Он только кивнул молча. Потом вздохнул, глянул на нее виновато. У нее сердце сжалось, но улыбнулась ему ласково:

– Чего ты, Ром? Все хорошо... Теперь будем в городе встречаться. В кино ходить будем, гулять...

– Да... Да, конечно. Конечно, будем встречаться...

Поселили ее в комнату вместе с Катей и еще с одной девочкой, началась обычная студенческая жизнь. В середине сентября поехали на картошку, потом вернулись, снова пошли на занятия. А в начале октября она почувствовала себя нехорошо. Голова кружилась, тошнило все время. Катя первая заподозрила неладное, спросила прямо:

– Ириш, давай колись... Было что-нибудь у тебя с Ромочкой, пока на той даче жила?

– Было... Было, Кать... Но неужели?! Ой, Кать...

– С ума сошла, что ли?

– Да как же... Я ж не думала, что так быстро все получится!

– Не думала она! А думать надо было! Что теперь делать-то будешь? На аборт пойдешь?

– Страшно... Нет, я не хочу, я боюсь...

– Ну, тогда рожай! Срочно замуж просись за своего Ромочку! Надо немедленно ему все сказать, слышишь?

– Да слышу, слышу... Да, надо сказать, да...

– Когда вы встречаетесь? Сегодня? Завтра?

– Не знаю... Мы не договорились в последний раз...

– Тогда домой ему звони! Скажи, что надо срочно встретиться!

– Да он сам придет, может...

– А если не придет? Тебя нельзя срок упускать, понимаешь ты это или нет, глупая?

Катя почти кричала, а она не понимала ничего, скованная новым знанием о себе. Организм отторгал его, не хотел в нем жить и в то же время возмущался ее бездействием, посылая приступы тошноты. Запоздалое раскаяние давило тяжестью и подступающим ужасом осознания своего положения – что она наделала, что?

– Иди позвони ему... – уже спокойнее произнесла Катя, проникаясь ее состоянием. – Или хочешь, я пойду позвоню?

– Нет, я сама... – проговорила с трудом и поднялась с кровати.

Вахтерша глянула на нее сначала подозрительно – какие звонки, мол, поздно уже! Но потом все-таки разрешила, и Катя дрожащими пальцами набрала домашний номер Ро-

мочки. Он сам взял трубку и, услышав ее голос, спросил осторожно:

– Что-то случилось, Ириш? Такое чувство, будто ты заплакать собираешься...

– Нет, нет! Просто мне надо с тобой поговорить... Это срочно...

– Хорошо, я завтра встречу тебя у института. Во сколько у тебя занятия заканчиваются?

– В два часа...

– Я приду. Я обязательно приду, слышишь?

Она не спала всю ночь, думала, как скажет все Ромочке. Получалось так, будто она замуж за него просится. И не то чтобы просится, а заставляет даже...

Нехорошо, конечно. А как еще надо сказать? Как еще проговаривают несчастные девушки такие слова, определяющие их дальнейшую жизнь? К тому же если эта дальнейшая жизнь полностью зависит от ожидаемого ответа?

Ромочка выслушал ее внимательно, задумался ненадолго. Хотя ей его задумчивость вечностью показалась. Потом поднял на нее глаза, улыбнулся:

– Ну что ж, раз так... Будем жениться, значит! А что еще остается делать? Хотя, если честно, женитьба совсем не входила в мои планы, но... Как говорится, если хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах...

Она тогда ничего не поняла ни про бога, ни про планы. Услышала только то, что хотела услышать. Он будет женить-

ся. Он будет ее мужем, отцом их будущего ребенка. Жизнь продолжается... Господи, она же все сделает для того, чтобы он никогда об этом не пожалел! Она будет самой доброй, самой покладистой, самой верной, самой преданной женой!

– В выходные я познакомлю тебя с моими родителями. Я сам им скажу... И сам за тобой приеду... Ты только не волнуйся, все будет хорошо. Договорились?

– Да, Ром, договорились... Я так боялась тебе сказать... А сейчас будто от души отлегло.

– Да... Только предупреждаю тебя – родители у меня не простые. Готовься к допросу с пристрастием, но старайся вести себя уверенно и непринужденно. И не бойся ничего. Я рядом буду. Я тебя в обиду не дам.

– Хорошо, я постараюсь... Да...

Собирали ее на встречу с родителями всем общежитием. Долго придумывали достойный наряд, чтобы все было скромненько, но со вкусом. Решили, что лучше всего подойдет строгое черное платье, которое можно взять у Светки из двести семнадцатой комнаты. А жемчужные бусы к нему – у Лизы из триста двенадцатой... Может, они и не настоящие жемчужные, но выглядят как настоящие. А туфли-лодочки предложила ей Катя, размер ноги у них одинаковый был. Протянула коробку, проговорила уважительно:

– Новые, ни разу еще не надевала... Это мама с папой меня так поздравили с поступлением в институт. Импортные. Французские. Таких нигде не достанешь. Надевай...

В ближайшее воскресенье и состоялось знакомство с родителями. И мама Ромочки, Анна Николаевна, дама ухоженная и несколько снисходительно настроенная, учинила ей допрос, как Ромочка и обещал. Впрочем, он был совсем коротким... Как только Анна Николаевна узнала, что потенциальная невеста сына студентка из приезжих, сразу сменила снисходительный тон на откровенное равнодушие. То есть начала вести себя так, будто ее за семейным столом и не было, даже стала обсуждать с отцом Ромочки, Павлом Георгиевичем, какие-то проблемы их общих знакомых. Кто куда ездил в отпуск этим летом и кому с погодой не повезло.

Ромочка сидел как на иголках, все время старался пожать ее холодную ладонь под столом. Мол, все нормально идет, как надо. Но она-то поняла уже, что это совсем не так... И сидела рядом с ним ни жива ни мертва.

Потом, когда он провожал ее до общежития, спросила прямо:

– Ром... Я им не понравилась, да?

– Ну что ты... Просто они такие... со своими понятиями. Им трудно нового человека в семью пустить. Они ж меня своей собственностью считают, поскольку я у них единственный сын.

– А ты... Разве не возражаешь против того, что ты их собственность?

Ромочка помолчал немного, потом произнес грустно, будто извиняясь:

– Они очень любят меня, Ирин... А когда родители очень любят своего ребенка, они ж ничего не слышат и слышать не хотят...

– А я думала, что наоборот. Когда любят, тогда и слышат. Впрочем, не буду спорить... У меня ж опыта в этом вопросе нет. Мама моя очень любила меня, я помню, а потом умерла. Папа женился на другой, но тоже умер, я с мачехой жила. Любить меня было некому, так что... Да и не о том мы говорим сейчас, Ромочка! Дело не во мне, а в тебе... Если твоим родителям я не понравилась, то... Что ты теперь будешь делать, скажи?

– А что ты от меня хочешь услышать, Ирин? Конечно, я постараюсь их убедить, что ты мне нужна, что я люблю тебя... Что не могу оставить тебя в таком положении...

– А если они все же тебя не услышат? Тогда что?

Она и сама понимала, что ведет себя глупо. Что Ромочка не может в одночасье превратиться из инфантильного ребенка в кого-то другого, сильного и смелого, принимающего собственные решения. Но почему-то очень хотелось, чтобы все было именно так... Чтобы взял и превратился. От отчаяния хотелось, наверное.

Но отчаяние – не самое хорошее чувство. Вслед за отчаянием слезы приходят. Вот и она махнула рукой и расплакалась, убежала от Ромочки в общежитие, долго потом еще плакала, лежа на кровати. Катя только вздыхала, глядя на нее. Потом подошла, присела рядом и огладила плечи лас-

КОВО:

– Ну все, Ириш... Хватит плакать, тебе же вредно. Да и платье помнешь... Чужое платье-то, не надо бы... Ну все, вставай давай, Ириш, хватит...

Она и сама понимала, что слезы ей не помогут. Да и никто не может помочь, даже Катя... Но что теперь делать-то? На аборт идти?

Да, это был единственный выход. Другого не было. Но она все же решила дождаться Ромочку... Ведь он обещал снова с родителями поговорить! А вдруг они его услышат? Или... Или он сам осмелится на поступок? Ведь взрослый мужик уже, институт окончил, вся жизнь впереди!

Хорошо, что Катя ее ни о чем не спрашивала. Да и чего спрашивать, без того было все ясно... То есть вообще ничего не ясно. И Ромочка на следующий день не пришел. И на второй день не пришел, и на третий...

Так прошла неделя – в томительном ожидании. Решилась ему сама позвонить. Трубку взяла Анна Николаевна и, едва услышав ее голос, проговорила быстро:

– Ромы нет дома! И завтра его не будет, и послезавтра! Он очень занят делами! Всего доброго, до свидания!

Ирина еще долго стояла, держа трубку в руках. Будто онемела от металлических ноток в голосе Анны Николаевны. Потом положила трубку на рычаг, поднялась к себе в комнату, села на кровать.

– Ну? Что тебе Рома сказал? Придет сегодня? – осторожно

спросила Катя, садясь рядом.

– Нет... Его мама сказала, что его нет дома... Что очень занят...

– Что ж, понятно. Знаешь, что надо сделать? Надо, чтобы его кто-то другой к телефону позвал... Давай я попрошу Вовку Степанова из триста двадцатой, он позвонит! И голос у него такой вежливый, интеллигентный... Давай? Сейчас я за Вовкой сбегаю, а ты пока спускайся к телефону!

Все получилось так, как и задумала Катя. Анна Николаевна купилась на вежливый голос Вовки, позвала к телефону Ромочку. Вовка сунул трубку Ирине, и она проговорила торопливо:

– Ром, это я... Мне надо знать, что ты решил, Ром... Поговорить надо...

– Да... Да, я понял. Я приду завтра... Вечером приду... Как только освобожусь, сразу приду.

Она хотела еще что-то сказать, но Ромочка уже положил трубку. Наверное, все это время Анна Николаевна стояла рядом. И от всего этого так было нехорошо, будто она обманщица-попрошайка какая-то. Неужели Ромочка сам этого не понимает?

Он пришел, как и обещал, следующим вечером. Вахтерша милостиво разрешила ему пройти, Катя сразу же вышла из комнаты, оставив их вдвоем. Ромочка сел на стул, опустив голову, вздохнул тяжело. Сердце у Ирины упало. Хотя она внутренне и готова была к тому, что он ей скажет.

– Тут такое дело, Ирин... Я через неделю в Германию уезжаю. Там у моего дяди бизнес, родители хотят, чтобы я практику получил... Я и сам не ожидал, что они все так решат, правда! Но визу уже оформили, билет куплен... Я не могу не ехать, Ирин.

– Что ж, понятно... Родители за тебя все решили, значит. А как же я, Ром? Что мне-то теперь делать?

– Я думаю, тебе надо... В общем... Сделать так, чтобы ничего не было...

– То есть ты мне предлагаешь сделать аборт?

– Ну да... Тебе же еще учиться надо. Да все так делают, не ты первая, не ты последняя!

– Ты думаешь, это так просто, да? Я даже не знаю, куда идти... Как это, где это... И мне очень страшно, Ром...

– Да я понимаю, я все прекрасно понимаю... Думаешь, мне все это так легко дается, что ли? Ну не плачь, прошу тебя, пожалуйста...

Она из последних сил держалась, чтобы не плакать. Когда Ромочка произнес жалостливое «не плачь», слезы сами собой потекли из глаз, губы затряслись нервной судорогой. Закрыла лицо руками, сглотнула судорожно и почувствовала, как Ромочкина рука осторожно огладила ее плечо. И стало еще горше от этого – зачем он, зачем...

– Не плачь... Ну не плачь, пожалуйста! Хочешь, я еще раз с родителями поговорю? Я ведь им не сказал, что ты... Про ребенка ничего не сказал... А про Германию уже давно

разговор шел, они давно собирались меня к дяде отправить, ждали только, когда я диплом получу! И как-то все в один узел связалось... Решили, что для меня так лучше будет... Может, когда они про ребенка узнают, все будет иначе? Я сегодня же с ними поговорю, Ирин, обещаю!

Она отняла руки от лица, глянула на Ромочку удивленно. Так, будто первый раз его увидела. И ничего ему не ответила, только смотрела и смотрела, пока он не отвел глаза.

– Да, я с ними сегодня же поговорю! – решительно добавил Ромочка, поднимаясь со стула и направляясь к двери. – Они же должны понять... Это же их будущий внук... Или внучка... Я тебе позвоню, Ирина! Завтра же позвоню! Все будет хорошо, я думаю...

С этим Ромочка и ушел. А с ней что-то случилось вдруг, будто стеклянным куполом ее накрыло. Жила так, как будто спала. Все видела, все слышала, утром вставала, чтобы идти на занятия, но все, что происходило извне, ее будто не трогало. Сознание отключилось, ничего не хотелось, только спать... Много спать. Сколько прошло времени, тоже не осознавала. Неделя, наверное. Может, и больше...

А однажды среди ночи проснулась в тревоге, словно звонок будильника внутри прозвенел – хватит спать! Надо ведь делать что-то, жить как-то надо! Проблему решать! Или туда, или сюда...

Едва дождавшись утра, побежала звонить. Трубку взяла Анна Николаевна, на ее просьбу позвать к телефону Ромочку

ответила довольно спокойно, даже, как ей показалось, приветливо:

– А Рома уехал... Он теперь в Германии будет жить. Разве он вам не сообщил об этом?

– Да, сообщил... Но я думала...

– И что же вы такое думали, милая? Что он ради вас пожертвует карьерой? Не смешите меня... Вы мне показались вполне разумной особой. Вы же разумная, верно? Вот и не звоните сюда больше, не надо.

– Я не буду звонить... Но ведь Рома хотел вам сказать, что я... Он вам не сказал, наверное...

– Почему же? Я в курсе вашей проблемы. Я сразу все поняла, как только вы порог нашего дома переступили. Именно из-за этой проблемы Рома и решил... Впрочем, это уже не важно.

– Но что же мне теперь делать с этой... С этой проблемой?

– Решать ее, как все решают. Или мне вас учить надо? Не вы первая, не вы последняя, кому приходится эту проблему решать. Такова женская жизнь, милая, что я еще вам могу сказать... Больше мне сказать нечего, прощайте. И не звоните сюда больше, мне все это ужасно неприятно, мужу моему знать обо всем этом вовсе не обязательно, он очень занятой человек... Прощайте, Ирина, прощайте! Не будьте столь назойливы, прошу вас!

Так потом и звенели эти последние слова Анны Николаевны в ушах – не будьте назойливы, прошу вас! Будто она

и впрямь лезет к человеку с пустяками. Наглая назойливая девица. Будто это не она должна теперь избавиться от внука Анны Николаевны...

Катя глядела на нее, вздыхала выразительно. Потом проговорила четко и громко:

– Все, Ирина, хватит страдать! Завтра же идем в женскую консультацию! Сама ж понимаешь, что у тебя нет другого выхода!

– Да, понимаю... – подняла на нее измученные глаза Ирина. – Я все понимаю, Кать, только мне страшно очень... Словно я какое-то преступление совершаю.

– Ой, только вот не будем всех этих разговоров заводить, ладно? В пользу бедных все эти разговоры! А когда земля под ногами горит... А у тебя она горит, еще как! В общем, я с тобой пойду завтра... Я уже и на прием тебя записала, талончик взяла. Завтра к трем часам надо там быть... А сейчас лучше спать ложись и не думай ни о чем, так лучше будет! Если думать начнешь – вообще с ума сойдешь. Лучше скажи сама себе твердо – так надо! Внутренний приказ отдай! Так надо! Другого выхода нет!

Конечно же ничего у нее не получилось с этим «так надо». Проплакала в подушку всю ночь. Утром Катя вздохнула только, глянув на нее внимательно:

– Ну и куда ты с таким опухшим лицом пойдешь? Зачем сама себя растрвила, скажи?

– Так не получается у меня, Кать... Не могу...

– Что, не пойдём в консультацию на приём к врачу, да?

– Пойдём. Ты права, все равно у меня другого выхода нет.

Пойдём...

Потом Катя почти впахнула её в дверь кабинета, и строгая врачиха глянула поверх очков удивленно, произнесла дежурную фразу:

– Раздевайтесь вон там, за ширмой... Вы первый раз, как я поняла?

– Да, первый... Я очень боюсь...

– Потому лицо такое зареванное, что ли? Прямо смешно мне над такими девицами... Вроде не школьница, чтобы так бояться. Студентка?

– Да... По-моему, я в положении...

– Понятно, что ж. Сейчас глянем, узнаем все про твоё положение. Не бойся, расслабься. Вот так...

Потом врачиха долго что-то писала в карточке, Ирина сидела на стуле ни жива ни мертва – что она там пишет такое? Не выдержав напряжения, попросила тихо:

– Мне бы направление на аборт...

– Ну, ты проснулась... Поздно тебе уже на аборт, срок большой. Чего тянула так долго? Мальчик жениться обещал, да?

– Обещал...

– Значит, урок будет на будущее. Или сама себя береги, или не верь больше мальчикам, поняла?

– Поняла... Но мне нужен аборт, иначе никак нельзя...

– Это аборт нельзя! Уже нельзя! Так что придется рожать, ничего не поделаешь! И не вздумай криминально делать, у тебя все не так просто! Надо будет на сохранение лечь... Не сейчас, но перед родами обязательно! А пока сдашь все анализы, потом снова ко мне придешь, – подвинула врач к ней кучу направлений. – И не реви мне тут, я всякое повидала, меня горькими слезами не проймешь. Лучше теперь о ребеночке думай...

Катя ждала ее в коридоре, но вопросов задавать не стала, увидев слезы в ее глазах. Лишь потом, когда пришли в общежитие, проговорила осторожно:

– Я так поняла, что аборта не будет? Да, Ирин?

– Да... Сказали, поздно уже.

– Что ж... Значит, так надо. Значит, будешь рожать. Получается, где-то перед летней сессией, да?

– Получается, что так... Может, к этому времени Рома вернется...

Катя аж задохнулась от возмущения, заговорила сердито и быстро:

– Ты извини меня, конечно, Ирин, но хватит быть такой дурочкой! Перестань хвататься за соломинку, нету уже той соломинки, уплыла!

– А за что мне еще хвататься, Кать, скажи? На что надеяться?

– Да на саму себя, Ириш! Это же ясно, что твой Ромочка тебя бросил, трусливо сбежал! Маменькин сынок он, это же

сразу видно было! Ласковый добрый теленок! И ты тоже хороша... Его мамаша на тебя нагло наехала, а ты поддалась, сразу подняла лапки! А я бы, к примеру, знаешь, что на твоём месте сделала?

– Что, Кать?

– Я бы заставила родителей Ромочки отвечать за сына, вот что! Ничего, от них не убудет! Пусть хотя бы денег тебе на ребенка дадут! Или комнату тебе снимут, когда надо будет из роддома выписываться! Ну вот куда ты пойдешь с ребенком, куда? В общежитие же не пустят... Хочешь, я с тобой к его родителям схожу?

– Нет, Кать... Никуда я не пойду. Ты бы слышала, как эта Анна Николаевна со мной разговаривала... Не станут они мне помогать, она это ясно дала понять. Потому и Рому подала дальше отправила.

– Да, теперь его не достанешь, ты права... Но ведь все равно что-то надо делать! Заранее как-то подстраховаться... Может, с комендантшей поговорим, объясним ей все? Ну, чтобы она тебя потом не выгнала с ребенком из общежития?

– Нет, лучше потом поговорим... Пока ведь и живота толком не видно. Потом, Кать... У меня уже просто сил нет...

– Ладно. Потом так потом. И ты это... Успокаивайся как-то. Тебе нельзя нервничать. Спи дольше, ешь больше. Я скоро домой поеду, компотов тебе привезу. Моя мама много компотов на зиму заготовила. И овощей привезу, будем тебя морковкой тертой кормить. Ничего, Ириш, прорвемся... А

на зимние каникулы ко мне домой поедем, будешь свежим воздухом дышать!

– Но у тебя и без меня дома народу полно!

– Ничего, потеснимся как-нибудь. Говорю же – прорвемся!

В конце февраля комендантша сама пришла к ним в комнату, сама начала трудный разговор:

– Я вижу, ты в положении, Климова? Замуж вышла, что ли? А чего тогда к мужу на жительство не переехала?

– Нет у нее мужа, Елизавета Ивановна. Так уж получилось, – быстро ответила за Ирину Катя. – Обещал жениться и сбежал. Она сама хотела вам сказать... Предупредить хотела... Вернее, попросить вас...

– О чем меня можно просить в таком случае, интересно? Чем же я помочь могу? Я только одно могу сказать – нельзя с ребенком в общежитии, не положено. Да вы и сами это знаете распрекрасно. И все равно... Ведь знаете же?

– Да знаем, знаем, Елизавета Ивановна... Может, как-нибудь... В порядке исключения... Понимаете, Ирине совсем пойти некуда... Войдите в положение, будьте человеком, а? Ну, хотя бы до сессии... Пока Ирина экзамены сдает, мы бы тут все с ребеночком понянчились... Пожалуйста, Елизавета Ивановна!

– Да что ты меня упрашиваешь, будто я злыдня какая, ей-богу! Да разве от меня зависит чего? Я ж в мае на пенсию ухожу, вместо меня другую комендантшу примут! Я, ко-

нечно, замолвлю словечко, но вот будет ли это словечко вес иметь, не знаю. Что ж ты так, девонька, ошиблась в парнишке-то? Видела я его, который к тебе приходил... А с виду такой приличный вроде...

Комендантша повздыхала еще немного, ушла. А Катя вдруг проговорила задумчиво:

– Знаешь, а я ведь Стаса вчера видела... Случайно в трамвае встретились. Я ему сказала про тебя, Ирин. Все рассказала.

– Зачем, Кать?

– А пусть твой Ромочка от него узнает, что скоро отцом будет!

– Ты думаешь, Стас ему передаст?

– Конечно, передаст! Он сам так и сказал – завтра же Ромке в Дрезден позвоню, обрадую! И пусть, Ириша, и пусть! Пусть знает, что не все так просто! Пусть свою подлость по отношению к тебе лишний раз прочувствует! Пусть... Он же уверен наверняка, что ты сразу от ребенка избавилась, живет себе преспокойненько! Вот пусть и узнает!

Ирина ничего не ответила, легла на кровать, отвернулась к стене. Почему-то было уже все равно, что там прочувствует подлый Ромочка или не прочувствует... Не имело уже значения. Просто очень хотелось спать. Ей в последнее время все больше хотелось спать...

Через неделю Стас заявился к ним в общежитие с тортом и с бутылкой шампанского.

– С наступающим праздником вас, девчонки! Со священным международным женским днем! Кстати, вы знаете, что наступает сразу после восьмого марта?

– Что? – спросили они хором, округлив глаза.

– Как это – что? Сразу после международного женского дня наступает международная женская ночь... Вот за это мы сейчас с вами и выпьем!

– Да ну тебя, Стас... – смеясь, махнула рукой Катя. – Колись давай, зачем пришел? Ни за что не поверю, что решил просто с праздником поздравить...

– Ну да... Не только за этим. Еще одно дело у меня есть, – быстро и внимательно глянул он на Ирину. – Вернее, не дело, а поручение. Я недавно с Ромкой по телефону говорил... Он просил тебе передать, Ирин... Сегодня я от него перевод получил...

Стал вынул из внутреннего кармана пиджака конверт, протянул его Ирине. Она решительно замотала головой, даже руки вперед протянула, отгораживаясь:

– Нет, нет, Стас, я не возьму... Ни за что не возьму... Убери это, убери!

– Да брось, Ирин, что ты... Возьми, лишними не будут. Тебе ли теперь гордость проявлять? Надо ж ребенку купить что-то будет... Пеленки, коляски, горшки... Ну, Кать, хоть ты скажи!

– Ладно, давай... – протянула руку Катя, забрала у Стаса конверт. – Пусть хоть так, ты прав. С паршивой овцы хоть

шерсти клок.

– Хм... Еще никто при мне Ромочку паршивой овцой не называл... – тихо и с каким-то странным удовольствием проговорил Стас.

– Значит, я первая буду! – сердито вскинула голову Катя, убирая конверт с деньгами в ящик тумбочки. – Так можешь ему и передать при случае, ладно? А еще скажи, что он подлец и предатель, что Ирина его таковым считает, никогда его не простит, никогда!

– Могу передать, конечно... А только для него все эти слова как об стенку горох... Так я думаю. Если уж решил уехать, решил за спинами родителей спрятаться, что с него еще возьмешь? У богатых свои причуды, Кать, сама понимаешь. Хорошо, что деньги передал. Ирине они сейчас не помешают.

Ирина собралась было возразить и заявить, что никаких денег ей от Ромочки не надо, но Катя уже перевела разговор в другую сторону, даже принялась кокетничать со Стасом, взвизгнула громко, когда он пустил в потолок пробку от шампанского. Потом они пили чай с тортом, потом Катя пошла его проводить...

Ирина осталась одна, плакала долго. Очень уж оскорбительны были деньги, которые передал Ромочка через Стаса. И понимала, что слезы эти были последними – будто прощальными... Дальше уже не до слез будет. Дальше начнется самое трудное. И как оно все будет, как жизнь повернется, трудно предугадать... Когда за спиной надежного тыла нет,

что вообще можно предугадать?

Родила она раньше срока. Долго лежала в больнице. Никто к ней не приходил... кроме Кати и девчонок из общежития. Да и кто мог еще прийти? Девчонки стояли под окном палаты, улыбались очень старательно, хотя она понимала, что за этими улыбками прячутся жалость и сочувствие. А однажды Катя прокричала ей снизу:

– У нас новая комендантша, Ириш! Елизавета Ивановна на пенсию ушла!

– И какая она, новая комендантша? – осторожно спросила Ирина.

– Да зверюга та еще... Ничего хорошего тебе сказать не могу... Молодая такая, наглая.

– Понятно, что ж. Спасибо, что предупредила хотя бы.

– Ириш... Может, тебе мачехе своей письмо написать, а? Так вот и так... Деваться мне некуда...

– Да бесполезно, Кать. Я знаю, что она меня с ребенком на порог не пустит.

– Но ты ж там прописана! Ты имеешь право!

– Да она меня давно уже выписала, ты что! Как я уехала, как в институт поступила, так и выписала. Уж не знаю, как ей это удалось... Наверное, по блату как-то. У нее везде блат есть, я знаю.

– Ну... Тогда хоть родителям Ромы позвони... Пусть они тебе комнату снимут... Ну не знаю я, что тебе еще посоветовать, Ириш! Когда тебя выписывать собираются?

– Обещали через неделю.

– Ты скажи потом, ладно? Когда точно знать будешь. Мы с девчонками тебя встретим.

– Ладно, там видно будет...

Не стала она девчонок предупреждать о выписке. Им же надо, получается, все лекции в институте пропустить – зачем такие хлопоты? В день выписки вышла на больничное крыльцо со свертком на руках – аж голова закружилась от солнца и свежего воздуха. Доехала до общежития на трамвае, вошла в дверь...

– Климова! Ты куда идешь, стой! Тебя пускать не велено! – выскочила из-за перегородки вахтерша, преградила ей путь. – Комендант сказала тебя не пускать! Если хочешь сама с ней поговорить, иди, она сейчас у себя!

И, воровато обернувшись, добавила тихо:

– Иди, девонька, иди... Прямо с ребеночком и иди... Может, она сжалится, если хорошо попросишь...

Ирина кивнула, пошла медленно по коридору. Постучала в дверь, потом робко приоткрыла ее:

– Можно?

– Да, заходите! Кто там? – услышала довольно суровый голос и сглотнула тревожный комок, подступивший к горлу. Только бы не заплакать... Может, и лучше будет, если заплакать. Может, и впрямь новая комендантша над ней сжалится.

– Здравствуйте... Я Климова из двести пятнадцатой... Я хотела вас попросить... Вахтерша сказала, что вы не хотите

меня пускать...

– А, Климова... Да-да, я в курсе. Да, это я велела тебя не пускать. Сама понимаешь, не положено. Здесь не дом матери и ребенка, здесь студенческое общежитие, между прочим. И вообще... Какой пример ты подаешь другим девушкам? А если все станут вслед за тобой рожать и тащить сюда детей? Детский сад устраивать будем? Нет, не уговаривай меня даже, все равно не пушу! Права такого не имею!

– Ну, может, в порядке исключения... Понимаете, мне просто идти совсем некуда...

– То есть как это – некуда? Домой с ребеночком поезжай, к родителям! Все уж, отучилась, если родить сподобилась! Преподнесла родителям вместо учебы подарочек, ага! И где только у тебя голова была, не понимаю? Мне говорили, ты даже на повышенную стипендию шла! Сама себе все испортила, выходит. Вот и поезжай... Хочешь, денег тебе на дорогу дам? Нету, поди, на билет денег-то?

– Мне некуда ехать... Так получилось, что некуда...

– Родителей боишься, что ли? Думаешь, ругать будут, не примут? Ну, может, и поругают сначала... А принять примут, куда ж они денутся.

– У меня нет родителей. Ни отца, ни матери нет.

– Детдомовская, что ли?

– Нет... Когда отец умер, я с мачехой жила.

– Ну, допустим... И что? Ведь не на улице ты с мачехой жила, правда? Ты должна быть где-то прописана?

– Так она меня давно уже из квартиры выписала...

– Ой, не сочиняй! Не могла она тебя без твоего заявления выписать, думаешь, я законов не знаю? Хватит мне тут... Нельзя! Не могу я тебя пустить, зачем мне из-за тебя неприятности? А вдруг кто-то из студентов в деканат нажалуется, что детский плач по ночам спать мешает? Я должна из-за тебя места лишиться? Нет, нет и еще раз нет... Поезжай к мачехе, отстаивай свое право на проживание, вот тебе мой совет! Так денег все же дать на дорогу или нет?

– Не надо. Есть у меня деньги.

– Гордячка какая... Ну ладно, раз не надо... – уже ей в спину произнесла комендантша. – Сначала набедокурят, а потом жалости к себе требуют...

– Что, не пустила? – сочувственно спросила вахтерша, когда она проходила мимо нее. – Давай я хоть вещи твои соберу, что ль... Вынесу тебе...

– Нет, не надо. Я потом Катю попрошу, она соберет.

Быстро вышла на улицу, дошла до ближайшей скамьи, села, дала волю слезам, пряча лицо от прохожих. Ребенок внутри свертка закричал, сморщилось маленькое личико – пора скоро кормить... Но не на улице же его кормить, надо идти куда-то!

Быстро поднялась со скамьи, увидев, как невдалеке остановилось такси, выпуская пассажира. Подбежала, спросила водителя:

– Вы на Зеленоградскую меня отвезете? Мне очень нуж-

но...

– Садись! – коротко приказал водитель, мотнув головой. – Давай быстрее, здесь нельзя долго стоять!

На Зеленоградской жили Ромочкины родители. Дом она запомнила, подъезд запомнила, хотя и была всего один раз на том злополучном обеде, когда Ромочка знакомил ее с родителями. И сейчас она робко вошла в подъезд, поднялась на пятый этаж, нажала на кнопку звонка...

Ребенок уже кряхтел вовсю, собираясь заплакать. И заплакал как раз в тот момент, когда дверь открыла Анна Николаевна. Увидела ее, слегка отпрянула, потом решительно вышла на лестничную клетку, плотно прикрыв за собой дверь. И потребовала:

– Успокойте ребенка, ну же! Мне совсем не хочется, чтобы соседи выглядывали на его плач! И вообще... Что вам от нас нужно, я не понимаю? Что за наглую настойчивость вы проявляете? Ведь мы уже с вами все решили – оставьте нас в покое! Зачем же вы снова пришли?

– Я... Мне просто больше некуда... Ребенка надо кормить, а мне... Даже покормить негде... – виновато лепетала она, прижимая к себе сверток. – У меня здесь нет никого... Из общежития выгнали... Я только покормлю его и сразу уйду! Я не знаю, что мне делать...

– А мне какое до этого дело? – стараясь смотреть в сторону, бросила через плечо Анна Николаевна. – Вы сейчас разжалобить меня хотите, да? Хотите, чтобы я вас в дом пу-

стила, а потом вас и палкой не выгонишь? Ну уж нет, не надейтесь даже. Лучше сразу расставить все по местам, никаких компромиссов! Не на тех напали, милочка, знаем мы таких... Решили из своего захолустья сразу в дамки проскочить, да? Не получится у вас, не надейтесь. К тому же наш сын женится, у него скоро в Германии свадьба будет. На дочери своего босса женится. И вы с сыном уже в эту картину никак не вписываетесь!

– У меня дочка родилась, Анна Николаевна...

– Да какая мне разница, господи? Я ж вам объясняю всю ситуацию, а вы будто не слышите!

– Да, я понимаю... Но мне только покормить ребенка... Идти совсем некуда... – отчаянно бубнила она, зациклившись на этой необходимости. – Только покормить... Только покормить...

Анна Николаевна развела руками, будто возмутилась ее непонятливостью. Повернулась, открыла дверь, шагнула в прихожую и тут же закрыла дверь за собой. Было слышно, как на все замки закрыла. Еще и цепочку накинула, наверное.

А доченька, будто почуяв унижение, еще больше расплакалась вдруг. Хотя и понятно, что вовсе не от унижения расплакалась, а просто время поджало кормить, вот и все.

Спустившись на два пролета вниз, Ирина села на лестничную ступеньку, расстегнула пуговицы на пальто, воровато достала набухшую грудь, сунула ее в жадный ротик. Пока

дочка ела, сидела, напряженно вслушиваясь в тишину: вдруг кто-то выйдет на лестничную площадку... Потом заставила себя успокоиться – ну, пусть выйдет, что теперь... Подумаешь, сидит женщина на ступеньках, кормит грудью ребенка – прогонять ее за это, что ли? Не станешь ведь всем объяснять, что кормить больше негде...

Потом долго шла со своим свертком по улице. Устала, села на скамью в скверике. Решила, что отдохнет немного и поедет на вокзал. Там, кажется, есть комната матери и ребенка – наверняка пустят переночевать. Может, и не пустят... Может, вообще уже никуда не пустят... Никогда и никуда...

Так и сидела на скамье в напавшем оцепенении, покачивалась из стороны в сторону. Пошел холодный майский дождь, а она все сидела, сил не было ни со скамьи встать, ни вообще дальше жить... Пусть идет дождь, пусть они с дочкой промокнут и замерзнут. Все равно они никому не нужны. Пусть, пусть... Сил больше нет барахтаться, просить, унижаться...

Все равно никто не услышит и не поможет. Пусть, пусть...

Краем глаза увидела, что вдалеке остановился кто-то. Стоит, на нее смотрит. Смахнула ладонью слезу, подняла голову... Точно. Молодой мужчина в спортивном костюме, в смешной шапочке с помпоном, дышит тяжело. Наверное, пробежку вечернюю делал мимо скверика, интересно ему стало, чего это она тут с ребенком сидит, под дождем мокнет.

Дочка вдруг проснулась и заплакала, да так отчаянно заплакала, громко! Замерзла, наверное. И мужчина подошел

ближе, спросил деловито:

– Вы чего тут... Под дождем сидите, а? У вас же ребенок замерзнет!

Она снова взглянула на него, показалось, что он даже отпрянул испуганно. Наверное, ее отчаяние ему в грудь ударило, кипятком плеснуло. Подошел еще ближе, спросил быстро:

– Я могу вам чем-нибудь помочь? Вы говорите, пожалуйста, не молчите... Я ж знаю, что вы давно тут сидите, я видел, когда еще час назад мимо бежал. У вас что-то случилось, да?

– Я... Мне идти просто некуда... Так получилось... – с трудом выговорила она и улыbnулась сквозь слезы. – Совсем некуда идти...

– Боже... – только и проговорил мужчина, поправляя на голове шапочку. – Ну так идемте ко мне, что ли... Нельзя же так сидеть под холодным дождем с ребенком... Я тут недалеко живу, в двух шагах. Вставайте же, ну! Идемте... Давайте я ребеночка понесу!

– Нет! Я лучше сама...

– Ну, сама так сама. Идемте только скорей...

У нее был только один выход: пойти вслед за этим мужчиной. Да и не соображала уже ничего, не чувствовала, старалась ухватить покрепче ребенка. Мужчина на ходу снял спортивную куртку, протянул ей:

– Накиньте на ребенка... Она непромокаемая...

Зашли в подъезд, поднялись в лифте, мужчина торопливо

открыл дверь, скомандовал:

– Проходите... Сейчас я найду что-нибудь, во что ребенка завернуть... Простыня подойдет?

– Да, конечно...

– А вы можете мой халат надеть, он в ванной. Я сейчас чайник поставлю... Да проходите же скорее, чего вы в прихожей мнетесь! Никто вас здесь не укусит, я один живу!

Потом они сидели на кухне, пили чай с медом, ели бутерброды, которые наспех нарезал хозяин.

– Мы даже не познакомились... Меняевой зовут. А вас как?

– Ирина...

– Что ж, очень приятно. Хотя вам, я думаю, сейчас не до приятностей. Ведь что-то случиться должно было такое... Что вы на улице оказались одна, с ребенком... Но если не хотите, то не рассказывайте, я вовсе не настаиваю.

– Да, спасибо... Я сейчас погреюсь и уйду...

– Да бросьте! Куда вы пойдете? Ночь почти на дворе. Опять на скамейку в скверик? Оставайтесь, я все равно утром в командировку уезжаю, живите. И вам хорошо, и мне тоже хорошо – квартира будет присмотрена.

– А не боитесь? Вдруг я шарлатанка какая-нибудь?

– Да что вы... Какая же вы шарлатанка? Да у вас же на лбу крупными буквами написано...

– Что там написано?

– Что вы нормальная женщина, попавшая в беду. Только

и всего. Так что живите, приходите в себя... Я ведь надолго уезжаю, на целых два месяца. Мне в Новосибирске лабораторию дают... В той лаборатории, которой я в институте заведую, таких условий нет, к сожалению. А тут такая удача...

– Так вы ученый?

– Ну, это громко сказано... Я со своей темой еще в начале пути нахожусь, еще куча исследований предстоит. Хотя тема очень интересная, и наш НИИ недавно ее разрабатывать начал. Впрочем... Что я вас делами своими загружаю, бессовестный? У вас глаза уже слипаются...

– Да, я что-то... Пропадаю совсем... Устала...

– Идите спать, Ирина. Я вам в дальней комнате постелил, где у моих родителей спальня была, там кровать очень удобная. Белье можно в шкафу взять. И малыша можно рядом с собой положить, места много. И малыш проснулся, по-моему... У вас кто, мальчик или девочка?

– Девочка...

– Ой, как же хорошо... Девочка... А как назвали?

– Да никак пока.

– Ой, как же это? Как же вы имя ребенку не придумали? Это нехорошо, неправильно... Надо обязательно ребенку имя дать. Знаете, у меня предложение есть – назовите ее Викторией! Пусть всегда будет победительницей, в любой жизненной ситуации! По-моему, неплохо, а? Вика... Викуся... Виктория... Прекрасно звучит!

– Да, мне нравится. Пусть будет Виктория. Я ей потом рас-

скажу, что ее так назвал дяденька, который... Который нас просто спас...

– Ну что вы! Не надо так говорить... Просто я мимо проходил... Если б не я, другой бы кто-то прошел и вас увидел... На улице ведь дождь, прохожих мало, а я в любую погоду бегать стараюсь, чтобы себя в форме держать. И потому не надо мне таких подвигов приписывать, какой из меня спаситель, скажете тоже! Хотя мне это ужасно приятно, скрывать не буду. Это ж так хорошо, так замечательно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.